

Екатерина Мордвинцева

ПРИНЦИП ВЕРТИКАЛИ

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

М79 **Мордвинцева Е.**
Принцип вертикали / Екатерина Мордвинцева – М.: Литнет, 2026. – 232 с.

ISBN 978-5-524-00474-1

Он — ледяной перфекционист, превращающий мечты в цифры. Она — талантливая выскочка, верящая, что у сада есть душа. Их столкновение в стерильном офисе «Вертикального сада» было неизбежным. Но в жестокой войне закалилось нечто большее, чем профессионализм.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00474-1

© Литнет, 2026
© Е. Мордвинцева, 2026

Глава 1

Семь утра. Лучи солнца, еще робкие и косые, выхватывали из предрассветной синевы строгие контуры бизнес-центра «Северная башня». На двадцать втором этаже, в лобби офиса компании «Вертикальный сад», царила стерильная, дорогая тишина, нарушаемая лишь тихим гулом климат-контроля. Лиза Миронова прижалась лбом к холодному панорамному стеклу, словно пытаясь разглядеть в раскинувшемся внизу спящем городе контуры своего будущего.

Её новый мир пах не просто кофе. Он пах кожаными креслами, полированным металлом и едва уловимым, но фундаментальным ароматом – смесью влажного торфа, сосновой коры и чего-то минерального, словно сюда привезли не грунт для растений, а сам срез земли. Вдоль всей стены за ресепшеном тянулась «фитостена» – сложнейшая мозаика из нескольких сотен растений: стелющиеся плющи, резные папоротники, пестрые традесканции. Это был не просто декор. Это был манифест.

Компания не рисовала сады на бумаге. Она завоевывала пространство, делая его живым, вертикальным, вопреки гравитации и скуке.

Лиза разжала пальцы, в которых запотела карта доступа с её именем: «Е.С. Миронова, ландшафтный архитектор». Ощущение было сродни тому, как в шестнадцать она держала золотой билет на олимпиаду по биологии. Только теперь ставки были выше. Это не учёба. Это – жизнь.

– Вам к Погорельскому, – беззвучно скользнула мимо девушка-администратор с идеальным пучком, кивнув в сторону коридора. – Планерка в девять-ноль-ноль. Он не терпит опозданий.

Слово «не терпит» прозвучало как легкий, привычный ужас.

Кабинет Арсения Владимировича Погорельского находился в самом конце коридора, за стеклянной дверью с матовой пленкой. Пока его хозяина не было, дверь приоткрыли для уборки. Лиза, проходя мимо, не удержалась и заглянула.

Это было пространство без души. Или с душой, полностью подчиненной функционалу. Огромный стол из черненого дуба был пуст, если не считать идеально прямых линий: ноутбук, стопка чертежей под угольником, лаконичная ручка Montblanc. Ни одной лишней бумажки, ни сувенира, ни фотографии. На стене – не дипломы или постеры с садами, а крупноформатная схема текущих проектов компании, напоминающая карту военных операций. Красные, желтые, зеленые метки. Ни одного оттенка, не несущего информации. Единственный намек на жизнь – на подоконнике стоял бонсай, приземистый, с причудливо изогнутым стволом и кроной, выстриженной с математической точностью. Он выглядел не как дерево, а как скульптура, высеченная из терпения и воли.

«Сам себя, – мелькнула у Лизы мысль. – Он и есть этот бонсай. Сформирован, согнут, лишён всего лишнего».

Конференц-зал к пяти минутам девятого начал заполняться. Входили тихо, обмениваясь скупыми кивками. Молодой архитектор с озабоченным лицом перебирал на планшете 3D-модели. Женщина лет сорока, видимо, главный дендролог, изучала каталог саженцев. Парень в свитере, похожий на инженера, пил кофе, уставясь в инженерный калькулятор. Все они были разными, но объединенными одним – невидимой оболочкой собранности, почти скованности. Лиза выбрала место чуть в стороне, уставившись на разложенное перед собой портфолио. Внутри, под прозрачными файлами,

лежали её детища: акварельные скетчи, наброски карандашом, где травинки казались живыми, фотографии её студенческой дипломной работы – маленького, но дерзкого сада во дворе заброшенной фабрики.

Она вдохнула жизнь в бетон, и это цитировали в отраслевом журнале.

Она поймала на себе чей-то взгляд. Из дальнего конца стола на неё смотрела стройная блондинка с внимательными, чуть подслеповатыми глазами. Взгляд был не враждебный, а оценивающий. Она едва заметно улыбнулась Лизе и тут же отвела глаза, когда в зал вошёл он.

Не было громких шагов, хлопанья дверью. Просто давление в комнате изменилось, словно захлопнулся шлюз. Арсений Владимирович Погорельский вошел с папкой в руке, не глядя ни на кого, и занял место во главе стола. Высокий, с безупречной осанкой, в темно-сером костюме, который сидел на нём как вторая кожа. Его лицо не было красивым в привычном смысле – слишком резкие скулы, слишком твёрдая линия сжатых губ, слишком прямой, холодный взгляд. Но оно было запоминающимся. Как лезвие.

– Начинаем, – его голос был негромким, низким, без эмоциональных модуляций. Он не повышал его, но каждое слово обладало странной проникающей силой, заглушая даже шелест бумаг. – Кравцов, по Рублёвке. Статус.

Молодой архитектор вздрогнул и начал доклад. Лиза слушала, замороженная и настораживаясь одновременно. Погорельский не перебивал. Он слушал. Молча. И в этой тишине было что-то пугающее. Когда докладчик закончил, начался разбор.

– Ваша концепция «лесного уголка» основана на использовании трёхлетних саженцев сосны обыкновенной, – произнёс Арсений Владимирович, даже не глядя в бумаги. – Цена за штуку в питомнике «Зелёный мир» – восемь тысяч. Вы заложили двадцать штук. Это сто шестьдесят тысяч только на сосны. При этом на плане

зоны отдыха вы ставите массивную дубовую перголу. Смету на неё вы брали из старого проекта, не учитывая рост стоимости дуба на тридцать процентов за последний год. Итог: перерасход по разделу «посадочный материал и малые формы» на минимум четыреста тысяч. Это не дизайн, Кравцов. Это финансовый саботаж.

В комнате стало тихо. Кравцов побледнел. Это не была эмоциональная взбучка. Это был холодный, точный расчёт, выверенный до копейки. И от этого было вдесятеро унижительнее.

– Марина Сергеевна, – Погорельский перевёл ледяные глаза на дендролога. – Ваша подборка растений для бизнес-центра в Сити. Почему в списке рододендроны? Ветровая нагрузка на высоте ста метров, запылённость, щелочной состав воды в системе автополива. Они не проживут и сезона. Вы предлагаете клиенту выбросить полтора миллиона в трубу. Заменить на кизильник блестящий и спирею японскую. Следующий раз, когда вам захочется добавить «красивости», вспомните, что мы несём гарантийные обязательства. Пять лет.

Он двигался от одного к другому, и каждый его комментарий был как удар скальпелем – точным, безболезненным на первый миг и несущим в себе приговор. Лиза чувствовала, как энтузиазм, с которым она пришла, начинает кристаллизироваться, превращаясь в лёд где-то под ложечкой. Это не было творчеством. Это была высшая математика, где переменными были деньги, сроки и физические законы, а главным критерием – безупречность.

– Новый сотрудник, – прозвучал её приговор. Все взгляды, отягощённые смесью любопытства и жалости, устремились на неё. – Миронова Елизавета Сергеевна. Ландшафтный архитектор. Ей назначен тестовый проект – участок у обрыва в Серебряном Бору.

«Тестовый», – эхом отозвалось в голове у Лизы. Значит, не просто работа. Экзамен.

Арсений Владимирович кивнул в её сторону, дав понять, что слово за ней. Лиза встала. Колени предательственно дрогнули. Она разложила перед собой не планшет, а папку с распечатанными листами. Её руки помнили каждый изгиб карандаша, каждое движение кисти.

– Участок... действительно, сложный, – начала она, заставляя голос звучать ровно. – Крутизна склона до сорока пяти градусов, активная эрозия, подмыв грунта, северная экспозиция. Стандартное решение – укрепление георешёткой и высадка устойчивого газона. Но...

Она перевернула первый лист. На бумаге, слегка помятой от волнения, растекалась акварель: тёмная зелень хвойников, серебристые пятна лоховника, рыжие всполохи коры сосны. Не чертёж, а настроение.

–...я предлагаю не бороться с рельефом, а вписать в него. Создать не террасы в классическом понимании, а естественные уступы, повторяющие геологию склона. Связать их системой минималистичных настилов из лиственницы – они не гниют. Вместо подпорных стен – габионы с местным камнем, они и укрепят, и станут экологической нишей. Ядро – вот эта старая, кривая сосна... – её палец коснулся рисунка, – её не вырубать, а сделать главной доминантой, подсветить снизу. Вместо ручья, который здесь физически невозможен, – «сухой ручей» из гальки и морозостойких декоративных злаков, имитирующий сток воды. Это создаст иллюзию...

– Иллюзию, – его голос перебил её, как нож разрезает шёлк.

Он не повысил тона. Он просто произнес слово, и оно повисло в воздухе, холодное и тяжёлое.

Арсений Владимирович медленно поднялся из-за стола и подошёл к её эскизам. Не к ней. К бумагам. Он наклонился, изучая их с видом энтомолога, разглядывающего странный, возможно, ядовитый экземпляр.

– Миронова, – произнёс он, и в его голосе впервые появился оттенок. Оттенок разочарования. – Это «Вертикальный сад». Мы не продаём иллюзии. Мы продаём инженерные решения, облечённые в эстетическую форму.

Его длинный палец с идеально остриженным ногтем ткнул в акварельное пятно, обозначавшее «сухой ручей».

– Что это по факту? Объект линейного протяжения. Где продольный и поперечный профили? Где указание на тип подстилающего геотекстиля? Где расчёт объёма и фракции гальки? Где спецификация на крепёж для этих ваших... настилов?

Каждый вопрос был как удар маленького, точного молоточка по хрустальному кубку её уверенности.

– Я... концепция предполагает... – попыталась она вставить, но он уже тронул следующий лист.

– Габиионы. Прекрасно. Вы указали «местный камень». Какой? Известняк разрушится за три зимы от морозного пучения. Гранит увеличит смету вчетверо. Где расчёт нагрузки на склон? Где согласование с геологом? Где, – он наконец поднял на неё глаза, и в них не было ни злорадства, ни гнева. Только ледяное, обескураживающее недоумение, – технико-экономическое обоснование вашего «естественного» подхода, который, на минуточку, в три раза сложнее в реализации, чем стандартное укрепление?

Лиза чувствовала, как горит лицо, как холодеют кончики пальцев. Она слышала, как кто-то из коллег тихо сглотнул.

– Я хотела сначала донести философию проекта... – её голос звучал чужим, тонким.

– Философия, – он произнёс это слово так, будто оно было синонимом «чепухи», – это роскошь, которую мы можем себе позволить после того, как просчитали риски и заложили бюджет. Вы предлагаете клиенту воздушный замок, красивую картинку, которая рассыплется после первого серьёзного ливня. Ваш

«естественный уступ» без расчётов – это потенциальный оползень. Ваша «иллюзия ручья» – рассадник комаров.

Это, – он обвёл рукой её эскизы, – не профессионально. Это безответственно.

Слово «безответственно» ударило её сильнее любой грубости. Оно звучало как приговор её компетентности, её праву здесь находиться.

Он отступил на шаг, взгляд его снова стал отстранённым, будто инцидент исчерпан.

– Возьмите техническое задание. Изучите СНиПы по укреплению склонов и водоотведению. Просчитайте каждый шаг. Принесите новый вариант. С цифрами. И без этих... – он едва заметно пожалел губами, подбирая слово,

– ...романтических излишеств.

Он повернулся к столу, к своей безупречной схеме.

– К следующему проекту. Иванченко, у вас по набережной задержка с поставкой гранита. Почему?

Говорили уже не с ней. Её выключили. Её красивые, живые, выстраданные эскизы лежали на столе как свидетельство наивного дилетантизма. Восторг от утреннего вида из окна, трепет от фитостены, мечты о сотворении красоты – всё это было размазано по стенке холодной логикой, цифрами и словом «безответственно».

Планерка закончилась ровно в десять. Коллеги расходились быстро, не глядя на неё, погруженные в свои мысли и задачи. Лиза механически складывала свои листы в папку. Руки дрожали. В глазах стоял предательский туман, но она моргала, отгоняя его. Плакать здесь? Ни за что.

– Не принимайте близко к сердцу.

Тихий голос. Рядом оказалась та самая блондинка, которая улыбалась ей до начала планерки. У неё были умные, усталые глаза.

– Он ко всем так. Ломают, чтобы потом построить заново. По своим чертежам. Меня зовут Ирина, я ведущий проектировщик. – Она кивнула на эскизы в руках Лизы. – Идея с габионами... она на самом деле хороша. Но ему нужны не идеи. Ему нужны расчёты. Тонны, метры, сроки, рубли. Здесь всё держится на этом.

Ирина ушла, оставив Лизу наедине с пустым конференц-залом и оглушительным грохотом собственного провала.

Она вышла в коридор. Дверь в кабинет Погорельского была уже закрыта. Через матовое стекло угадывался лишь смутный силуэт за столом.

И тогда, в самой глубине унижения, сквозь ледяную скорлупу стыда, проросло что-то твёрдое и острое. Не сломленность. Нет. Гнев. Чистый, ясный, направленный.

«Хорошо, Арсений Владимирович, – подумала она, глядя на его дверь. – Вы хотите цифры? Вы хотите расчёты? СНИПы и ГОСТы?»

Она крепче сжала папку. Под акварельными скетчами лежала распечатка – список нормативной документации, который она самостоятельно изучила ещё в университете.

«Вы их получите. Я завалю вас такими цифрами, такими техническими решениями, что ваш безупречный бонсай позавидует моей системе корневого дренажа. Вы назвали меня безответственной?»

Она развернулась и твёрдым шагом пошла к своему новому рабочему месту – скромному столу в open-space.

«Отлично. Тогда война, – решила Лиза, включая компьютер. Первая битва была проиграна. Но война только начиналась. И у неё на руках были не просто красивые картинки. У неё было